

УДК 81-22(574)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/17

АНТРОПОНИМИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛКА БОЛГАРСКИЙ В КАЗАХСТАНЕ (К ВОПРОСУ ЭТНОГЕНЕЗА ГАГАУЗОВ В БУДЖАКЕ)

И.Ф. Грек

Ассоциация историков и политологов «Pro-Moldova»

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Авторское резюме

Антропонимия домохозяев поселка Болгарский 1917 г. рассмотрена в контексте интеграции православного тюркоязычного населения на Балканах (XII–XIV, XV–XVIII вв.) в составе Второго Болгарского царства, Добруджанского деспотства, Османской империи и формирования его гагаузской идентичности в России / СССР (последняя треть XIX – середина XX в.). Начало процесса за Дунаем и его завершение в Буджаке обусловлены политической историей территорий проживания, особенностью смешения на Балканах его составляющих под разными этническими названиями: одни исчезали, другие (*читаки*, прозвище *гагаузы*) исходили от османской власти. Ей удалось разделить их конфессионально (*гаджалы*), но православная часть спасалась от поглощения османами-мусульманами, прячась за самоназваниями *болгары* и *греки*. Признавая себя за Дунаем *болгарами*, *истинными болгарами*, тюркоязычные православные называли *славяно-болгар* экзоэтнонимом *туканы*, чтобы отделить себя от них. Завершение процесса формирования гагаузской идентичности в Буджаке к середине XX в. означало отказ тюркоязычного православного населения от самоназвания *болгары*, признание его за *славяно-болгарами*, осознание себя *гагаузами* и интеграцию под этим этнонимом всех тюркоязычных, ранее называвших себя *читаками*, *греками*, *гаджалами*. Буджак стал этногенетической территорией гагаузского этноса. Это обеспечивалось компактностью его заселения здесь, близостью тюркских говоров, общностью балканских языческо-православных обычаев, обрядов, традиций. Участники тюркоязычной эмиграции из Буджака в Приазовье 1860–1861 гг. и миграции на Северный Кавказ, в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию в 1909–1913 гг. остались с самоназванием *болгары*, не будучи ими по происхождению. Причины – отсутствие или незавершенность процесса огагаузивания на момент ухода из Буд-

жака, дисперсность расселения в регионах переселения. А совместное / пограничное проживание там с иноязычным населением обуславливало ее ассимиляцию. Даже гагаузская эмиграция из Буджака в Латинскую Америку 1925–1927 гг. по этой же причине утратила свою этническую, языковую идентичность и православную веру.

Ключевые слова: тюркоязычные православные болгары, греки, читак, гаджалы, славяно-болгары, тулканы, миграция, эмиграция, Добруджа, Делиорман, Россия, Буджак (Южная Бессарабия), Приазовье, Северный Кавказ, СССР, Казахстан, Узбекистан, Украина, Молдавия, Латинская Америка.

ANTHROPONYMY OF THE RESIDENTS OF BOLGARSKY VILLAGE IN KAZAKHSTAN (ON ETHNOGENESIS OF THE GAGAUZ IN BUDJAK)

I.F. Greek

ProMoldova Association of Historians and Political Scientists
E-mail: ivangrec39@mail.ru

Abstract

The householders' anthroponymy of Bolgarsky village in 1917 is considered in the context of the integration of the Orthodox Turkic-speaking population in the Balkans (12th – 14th, 15th – 18th centuries) within the Second Bulgarian Kingdom, Dobroudja despotism, Ottoman Empire and the formation of its Gagauz identity in Russia / the USSR in the last third of the 19th – middle of the 20th century). The beginning of the process beyond the Danube and its completion in Budjak were determined by the political history of the territories, with the mixture of population in the Balkans under different ethnic names: some disappeared, while others (*Chitaki*, nicknamed as *Gagauz*) separated from the Ottoman power. They were divided by confession (*Gadzhal*s), but the Orthodox part escaped from absorption by the Muslim Ottomans, hiding behind the self-names *Bulgarians* and *Greeks*. Identifying themselves behind the Danube as *Bulgarians*, or *true Bulgarians*, the Turkic-speaking Orthodox called the *Slavic-Bulgarians* by an exo-ethnonym "*Toukans*" in order to be separated from them. The Gagauz identity in Budjak finally formed by the middle of the 20th century, followed by the refusal of the Turkic-speaking Orthodox population from the self-name *Bulgarians* in favour of the *Slavic-Bulgarians*, self-awareness as of the *Gagauz* and integration under this ethnonym of all Turkic-speaking people, previously identifying themselves as *Chitaks*, *Greeks*, *Gadzhal*s.

Budjak became the ethnogenetic territory of the Gagauz ethnos, which was ensured by the dense settlement, proximity of the Turkic dialects, common Balkan pagan-Orthodox customs, rituals and traditions. Turkic-speaking emigrants from Budjak to the Azov Sea in 1860–1861 and to the North Caucasus, Siberia, Kazakhstan, Central Asia in 1909–1913 retained *Bulgarians* as their self-name, though being of a different origin, due to the lack or incompleteness of the civilization process at the time of leaving Budjak and disperse settlement in the resettlement regions. A joint / border residence with a population speaking another language led to assimilation. Even the Gagauz emigration from Budjak to Latin America in 1925–1927 lost its ethnic and linguistic identity as well as the Orthodox faith.

Keywords: Turkic Orthodox Bulgarians, Greeks, Chitak, Gadzhaly, Slavic-Bulgarians, Toucans, Migration, Emigration, Dobrudja, Deliorman, Russia, Budjak (Southern Bessarabia), Azov, North Caucasus, USSR, Kazakhstan, Uzbekistan, Ukraine, Moldavia, Latin America.

К истории аграрной миграции потомков задунайских переселенцев.

Как известно, аграрной миграцией в границах Южной Бессарабии была охвачена с последней трети XIX в., как правило, та часть потомков выходцев из-за Дуная конца XVIII – первой трети XIX в., которая представляла этнических *болгар*. Недостаток земли в основанных тогда их предками селах привел к выдавливанию из них безземельных и безнадельных семей. Они основали дочерние поселения на купленной у помещиков земле в самом Буджаке (южная часть Бессарабской области; с 1873 г. – губерния), а также на сопредельной с ним территории (Колесник 2001; Кондов 2005; Грек 2006; Грек 2018). Переселение в Приазовье в 1860–1861 гг. из южного участка Бессарабии, отданного Россией после Крымской войны 1853–1856 гг. Молдавскому княжеству по условиям Парижского мирного договора 1856 г., не относится к категории аграрной миграции, поскольку оно обладало всеми признаками политической эмиграции (Забытые страницы 2011).

Болгары Буджака предпринимали попытки переселения в глубь России еще в 90-е гг. XIX в., но центральные и местные губернские власти не давали им на это согласия (Новаков 2004: 484). Всероссийская перепись населения 1897 г. выявила 468 чел. с болгарским родным языком на Кавказе (скорее всего, все они были выходцами из Приазовья), 43 – в Сибири и 41 – в Средней Азии (Манасиева 2013). За пределами Бессарабской губернии этнические болгары впервые были охвачены массовой аграрной миграцией после столыпинской реформы 1906 г.

На Северном Кавказе были и православные тюркоязычные переселенцы из Буджака. Согласно переписи 1897 г., своим родным

языком они указали турецкий, хотя сами себя называли тогда *болгарами*. Их точная численность неизвестна, поскольку этнодемографы попытались установить ее на основе ошибочной методики – доли фамилий тюркского происхождения (Субботина 2006: 232–245; Субботина 2009: 386–402). Следует подчеркнуть, что молодые семьи из православной тюркской общности Буджака, в отличие от соседей – славяно-болгар, нехотя покидали основанные их отцами и дедами села, в которых они родились, и почти не создали здесь дочерних поселений. Это привело к значительному росту населения в «старых» селах, основанных в первой четверти XIX в. (Грек 2009: 571).

Столыпинская реформа 1906 г. включила в массовый миграционный поток (впервые и сразу за пределами Бессарабии) население и этой общности. Реформа разрушала сельскую общину, приводила к аграрному перенаселению, особенно в густонаселенных поселениях, испытывавших земельный голод. Она пролетаризировала село и выталкивала из него безземельных крестьян. Из-за почти полного отсутствия не введенной в сельскохозяйственный оборот земли реформа Столыпина вынуждала таких крестьян отправляться на поиски таковой в далекие края Российской империи, где ее было в избытке. Бендерское земство отмечало в своем отчете за 1909 г.: «Вопрос переселения изъявивших желание жителей Бендерского уезда (в него входили Чадыр-Лунгская и Комратская волости. – И.Г.) в настоящую минуту почти совсем налажен, и в недалеком будущем около 765 семейств, в числе около 4 000 душ обоего пола, без знания русского языка и местных условий, двинется в далекий путь» (Бендерское земство 1910: 6). Массовое переселенческое движение охватило в 1909–1913 гг. «все болгарские и гагаузские села Бендерского и Аккерманского уездов». На «подысканные ходоками земли в Тургайско-Уральской, Семипалатинской и Акмолинской областях (автор так называет уезды Тургайской губернии. – И.Г.) ряд семей получил проходные переселенческие свидетельства. К месту нового жительства и хозяйствования в 1909 г. выехало 390 семей, в 1910 г. – 1 220, в 1911 г. – 175, в 1912 г. – 35, в 1913 г. – 168 <...>. Самую большую группу семей-переселенцев дала Чадыр-Лунгская волость – 739, затем Кубейская и Ташлыкская – 418, Комратская – 255, Ивановско-Болгарская – 155 <...>. Большие группы семей выехали из сел Татар-Копчак – 54, Кубей – 49, Тараклия – 45, Дмитриевка – 40, Ново-Троян – 69, Чийшия – 27, Болгария – 30, Томай – 3». Ими были основаны десятки хуторских поселений, которым они «давали по традиции имена своих родных сел в Бессарабии. Среди них поселки «Болгарский», «Тараклийский», «Романовский», «Новороссийский» и др.» (Новаков 2004: 486–488). В монографии по истории села Гай-

дар также отмечается, что «именно после столыпинской реформы возникли села с гагаузским населением (хотя само оно называет себя болгарами) на Северном Кавказе, в Алтайском крае, в Восточной Сибири» (Грек 2011: 175). Автору книги по истории села Кубей М.П. Сакалы известно о 15 кубейских семействах в количестве 59 чел. обоего пола, переселившихся в 1913 г. «в Тургайскую, Уральскую и Семипалатинскую области» (уезды. – И.Г.). Из них в марте, июне и сентябре семь семей в составе около 35 чел. обоего пола поселились на участке «Болгарский Павлодарского уезда Семипалатинской области» (Сакалы 2013: 119–120).

Любопытную информацию о буджакских переселенцах в районе Семипалатинска я обнаружил совсем неожиданно в недавно изданной книге о гагаузах Украины, во второй ее части – «Гагаузы Приазовья». Во время фольклорно-этнографической экспедиции сотрудников АН МССР в Приазовье в сентябре 1987 г. ими были записаны воспоминания двух информантов, которые оказались «столыпинскими» переселенцами. Судьба забросила их к приазовским переселенцам 1860–1861 гг. Один из них – Степан Ильич Кирчев, житель с. Александровка Акимовского района Запорожской области. Он вспоминает, что «в 1914 г. было образовано с. Болгарка в Семипалатинской обл.», его жители – «уроженцы с. Вулканешты и Копчак». И перечисляет несколько фамилий, жителей этой Болгарки: братья Михаил, Семен, Константин и Илья Монастырлы, Кирилл и Георгий Онофрей, Иван и Илья Селемет, Михаил Попазов, Афанасий Драган, Мартин Калчев, Яков Бабов, Кирилл Мырзак. Они организовали партизанский отряд и «участвовали в гражданской войне против белогвардейцев Анненкова, который прорывался в Китай <...>. Село Болгарка было сожжено белыми и, кажется, после этого не восстановилось» (Гагаузы 2016: 206).

Из воспоминаний Михаила Павловича Ериоглу (с. Димитровка того же Акимовского района) узнаем, что он 1902 г. р., уроженец с. Болгарийка (в украинской части Буджака). «Из Бессарабии, – говорит он, – мы переселились в 1910 г. и прожили до 1920 г. в с. Кабан Каргалинского р-на Семипалатинской обл.». Во время гражданской войны жители села также боролись против белогвардейцев Анненкова. Но «в наше село белые не зашли, им это не удалось, так как пришли нам помогать из других сел, в частности мой дядя – Златов, Арнауты, Бабовы из с. Ивановки» (Гагаузы 2016: 192). Таким образом, переселенцы из Буджака основали там село Болгарка и, возможно, село Ивановка, но подселялись они также и в поселения, возникшие до них.

Вопрос столыпинской аграрной миграции потомков задунайских переселенцев специально не изучен, в т. ч. и в этническом аспекте.

На мой взгляд, этим, в частности, можно объяснить появление в публикациях некорректных с научной точки зрения интерпретаций относительно того, когда и почему тюркоязычные православные переселенцы из Буджака в Среднюю Азию были якобы «записаны» *болгарами*: их «в конце 1930-х годов записали болгарами, сняв (?) с них таким образом несправедливое лишение гражданских прав, вытекавшее в те времена из их подозрительного этнического происхождения: тюркоязычные православные» (Губогло 2008: 137). А утверждение молодого ученого, что «люди молодого поколения села Майское Ташкентской области забыли о своей принадлежности к гагаузам, считают себя болгарами, хотя говорят на гагаузском языке и совсем не знают болгарского» (Губогло 1968: 51), призвано убедить читателя в том, что люди старшего поколения в этом поселке считали себя гагаузами. Такое политизированное, не подкрепленное историческими фактами восприятие столыпинского переселения тюркоязычных православных с якобы навязанным им этнонимом *болгары* имеет, на мой взгляд, объяснение. Его автор разделил участь бессарабских болгар и гагаузов, репрессированных советской властью за неделю до нападения немецко-румынских войск на СССР 22 июня 1941 г., а также в конце октября 1948 г. на Украине и в начале июля 1949 г. в Молдавии, высланных в Сибирь, а также в Казахстан. Таким образом, к добровольной столыпинской аграрной миграции начала XX в. советская власть спустя 35–40 лет добавила социально-политических «кулаков-спецпоселенцев», которые справедливо отнесены к жертвам сталинского авторитарного режима. Это, по моему мнению, было оценено как особая несправедливость по отношению к советским гагаузам, а с точки зрения этнической идентичности – и к тюркской православной миграции в Казахстан, Среднюю Азию, на Северный Кавказ в начале XX в. Ее он рассматривает и как этническую жертву советской власти за якобы отказ тем переселенцам в праве называть себя *гагаузами*, которым навязали этноним *болгары*.

Общие данные о жителях поселка Болгарский и их фамилиях. Мой знакомый из Санкт-Петербурга болгарин Альберт Иванович Варбанский, предки которого бежали с территории молдавского (румынского с 1861 г.) участка Южной Бессарабии в Приазовье в 1860–1861 гг. из-за политики румынских властей, любезно предоставил мне архивный документ исключительной важности. Он привлек мое внимание своим названием, за которым могло скрываться то, чем я занимаюсь уже более 50 лет, но особенно последовательно и системно последние 10 лет. Я ищу ответы на два вопроса: 1) Почему православные тюркоязычные выходцы из-за Дуная сами себя называли *болгарами*, *истинными болгарами*? 2) Сколько времени им понадобилось прожить

в Буджаке, чтобы принять новое самоназвание *гагаузы*?

Архивный источник, о котором будет идти речь, мог позволить мне найти на них ответы. Антропонимический анализ содержащихся в нем данных ставит своей целью выяснить, соответствует ли название поселка Болгарский этнической идентичности его основателей.

Документ хранится в Государственном архиве Актюбинской области Казахстана (Государственный архив). Дело озаглавлено: «Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 года. Губерния Тургайская, уезд Актюбинский, волость Лохвицкая, общество поселковое, населенный пункт пос. Болгарский».

Когда статья была уже написана, ко мне попал еще один архивный документ, касающийся данного поселка. Его мне переслал потомок одних из основателей Болгарского, переселенцев из Чадыр-Лунги, – Алексей Павлович Маглели. Документ составлен годом позже и требует отдельного и разнопланового изучения. Здесь он использован частично, в т. ч. для уточнения того, правильно ли написаны некоторые фамилии домохозяев поселка из первого архивного документа.

В сельскохозяйственной переписи 1917 г. приведены фамилии, имена и отчества 100 домохозяев (без членов семей). Их запись осуществлена по орфографическим правилам того времени. Фамилии, имена и отчества, оканчивающиеся на согласную букву, писались с буквой *ь*. Имя *Георгий* писалось *Георгій*, отчество *Георгиев* – *Георгіевъ*. Встречаются сокращенные записи отчества домохозяев, если оно не вмещалось в отведенную ему графу. Только в трех случаях вместо отчества *Илиевъ* дано русифицированное его написание – *Ильичъ*. Использовалась упраздненная после революции буква *ѣ*. Есть и ряд других особенностей правописания слов того времени.

100 домохозяев представлены 50 фамилиями, некоторые из них даны в различных вариантах. Например, под номерами 43 и 62 домохозяева записаны *Трифоногло*, а под номером 67 – *Трифонов*. Но имена и отчества записанных под двумя последними номерами – *Иванъ Демьяновъ* и *Демьянь Иван[овъ]*. Следовательно, *Иванъ Демьяновъ Трифоногло* и *Демьянь Ивановъ Трифоновъ* – отец и сын, фамилия которых *Трифоногло*.

Из 50 фамилий домохозяев пос. Болгарский 25 записаны по одному разу, 13 – по два, 7 – по три и 5 – по четыре и более раз.

Обратим внимание на некоторые фамилии домохозяев, записанных по одному разу: *Соколовъ* (№ 9), *Колосовскій* (№ 28), *Протопоповъ* (№ 89), *Губайдулинъ* (№ 92), *Вирскій* (99) – всего пять. Такие фамилии не встречаются среди задунайских переселенцев. Следовательно, инициализировать название поселка по этническому признаку они не могли.

Фамилии еще трех домохозяев, *Данчъ* (№ 65) и *Орлевъ* (№ 29 и 33),

при сопоставлении их написания со списком 1918 г. уточнены: *Орлевъ* – это *Орлиогло*, а *Данчъ* – это *Данчов*, т. е. обе фамилии принадлежат переселенцам из Буджака. Таким образом, в поселке Болгарский 95 из 100 домохозяев носили фамилии мигрантов из Буджака. Именно они и определили название населенного пункта.

Фамилии трех домохозяев ошибочно записаны по одному разу. В фамилии одного (*Бало*, № 71), на мой взгляд, пропущено окончание *въ*. Под фамилией *Баловъ* числятся пять домохозяев (№ 50–52, 86 и 100), поэтому есть основание считать его шестым домохозяином, носившим эту фамилию. Под разными фамилиями фигурируют домохозяева *Лицкан* (№ 54) и *Люцкан* (№ 81), однако это родные братья: Афанасий Васильевич и Яков Васильевич. Правильное написание фамилии – *Люцкан* / *Люцканов*, она встречается среди бессарабских болгар и гагаузов. Ошибка допущена и при записи фамилий *Карман* (№ 24) и *Караман* (№ 56): имя и отчество одного Петр Ильич (отец), а другого – Константин Петрович (сын). Правильное написание фамилии – *Караман*, она встречается не только у бессарабских болгар и гагаузов, но и среди молдаван.

Как домохозяева с разными фамилиями записаны *Чалдаръ Константинъ Васил[евъ]* и *Чавдаръ Федоръ Ильичъ* (№ 48 и 69). Возможно, их фамилии – на самом деле антропонимы домохозяев, не являвшихся близкими родственниками. Но не исключена и ошибка в написании фамилии *Чалдаръ*: вместо буквы *в* написана буква *л*. И все же, если и допущена ошибка, то прямая родственная связь между ними (отец – сын, родные братья) не просматривается.

Что касается остальных домохозяев, только один раз указанных в данной переписи, то их фамилии, за редким исключением, идентичны тем, которые встречаются среди болгар и гагаузов Буджака: *Кол[і]огло* (№ 1), *Бобоглу* (№ 22), *Кирчогло* (№ 53), *Петков* (№ 4), *Топал* (№ 8), *Беженюц* (№ 11), *Кройтор* (№ 41), *Греков* (№ 47), *Кулов* (№ 68), *Доброжан* (№ 70), *Бошняк* (№ 85), *Ялама* (№ 87), *Димов* (№ 90), *Каратерзий* (№ 32), *Сырбов* (№ 72), *Кеся* (№ 23), *Малачны* (№ 76). Хотя некоторые из них записаны чуть по-иному, тем не менее, легко угадывается их первоначальное антропонимическое происхождение: *Беженюц* – это Беженарь, *Малачны* – Малачлы, *Каратерзий* – Каратерзи, *Сырбов* – Сербов, Сырф либо Сырбу.

Интерес представляют фамилии домохозяев Болгарского, представленные в переписи двумя и более записями: они однофамильцы или родственники? Домохозяева *Железогло* Федор Ильич (№ 16) и Александр Ильич (№ 42) – родные братья. Под № 57 записан домохозяин *Юсембейли Степанъ Ивановъ*, а под № 91 – *Юсумбели Агрипина Антон[ова]* (указано, что у нее не было надела земли). Вполне веро-

ятно, что это две разные фамилии, но нельзя исключить и того, что это различное написание одной и той же фамилии, а вдова Агрипина Антоновна, возможно, жена покойного брата Степана Ивановича. В Буджаке написание этой фамилии – *Юсумбели*.

Русаль Алексей Ивановъ (№ 3) и *Русаль Михаилъ Ивановъ* (№ 64) – родные братья. *Курдовъ Федоръ Владим[ировъ]* (№ 5) и *Курдовъ Владимиръ Федор[овъ]* (№ 7) – отец и сын. А вот *Кара Иванъ Георгиевъ* (№ 15) и *Кара Георг[ий] Федоровъ* – однофамильцы либо двоюродные братья. Как отец и сын, но в качестве отдельных домохозяев записаны *Гено[в] Евстаф[ий] Никол[аевъ]* и *Гено[в] Николай Евстаф[евъ]* (№ 20, 21), *Орлевъ (Орлиогло) Иванъ Мирон[овъ]* и *Орлевъ (Орлиогло) Михаилъ Ивановъ* (№ 29 и 33), *Дмитровъ Дмитр[ий] Георгиевъ* и *Дмитровъ Спиридон Дмитр[иевъ]* (№ 46 и 80), *Камбуръ Дмитр[ий] Георгиевъ* и *Камбуръ Николай Дмитриевъ* (№ 63 и 66), *Кабаковъ Константинъ Иван[овъ]* и *Кабаковъ Иванъ Афанаси[евъ]* (№ 39 и 55).

Под тремя записями приведены 7 фамилий 18 домохозяев пос. Болгарский: *Трифоновло*, о которых говорилось выше, *Момжи / Мумжи* (№ 2, 73, 78), *Келешъ* (№ 25, 26, 49), *Копуцу* (№ 31, 44, 45), *Кожокаръ* (№ 12, 58, 84), *Костовъ* (№ 36, 37, 48), *Мурзакай* (№ 59, 60, 88). Степень родственных связей между ними, хотя и самая разная, является очень близкой. Под фамилией *Момжи* записаны три домохозяина: два родных брата и сын одного из братьев; по трое домохозяев с фамилиями *Келеш* и *Костов* представлены тремя двоюродными братьями от трех родных братьев; три домохозяина по фамилии *Мурзакай* – это два родных брата, Георгий и Алексей Василевы (№ 59 и 60) и их двоюродный брат или дядя Николай Андр[еев] (№ 88); из трех домохозяев *Копуцу* двое – отец и сын (№ 31 и 44), а один – двоюродный брат (№ 31 и 45). Сложнее установить родство домохозяев еще одной фамилии, по-разному записанной, но, полагаю, их обладатели находились в родственных отношениях: *Кужакаръ Петръ Георгиевъ* (№ 58) и *Кожокаръ Георгий Константиновъ* (№ 88) – это, скорее всего, сын и отец, а *Кожокаръ Николай Николаевъ* (№ 12) может быть двоюродным братом Георгия Константиновича.

Наконец, в пос. Болгарский проживало 26 домохозяев, представлявших всего пять фамилий: *Маклели* (№ 19, 38, 74, 94, 95, 96), *Балов* (№ 50–52, 71, 86, 100), *Ворников* (№ 13, 14, 61, 77, 79), *Марин* (№ 10, 17, 18, 27, 30) и *Пилич* (№ 34, 35, 82, 83).

Маглели / Маклели – это три родных брата, имя отца которых Семен, и еще два родных брата, отца которых звали Павлом. Следовательно, все они – двоюродные братья. *Баловы*: трое – отец (№ 51) и двое сыновей; остальные трое – двоюродные братья, которые могли быть также двоюродными братьями Балова Дмитрия Георгиевича (№ 51).

Ворниковы – это отец (№ 14) и четыре его сына. Наконец, *Пиличи* – их необходимо перечислить поименно: *Пиличъ Георгѣ[і]й Трифон[овъ]* (№ 34), *Пиличъ Трифонъ Георгѣ[і]евъ* (№ 35), *Пиличъ Трофимъ Георгѣ[і]евъ* (№ 82) и *Пиличъ Георгѣ[і]й Трифон[о]въ* (№ 83). Смущает то обстоятельство, что у троих Пиличей имя или отчество *Трифон*, *Трифонов*, а у одного – имя *Трофим*. На мой взгляд, допущена ошибка в записи под № 82: вместо имени *Трифон* было написано *Трофим*. Если это так, тогда отца и сына Пиличей (№ 34 и 35) записали в сельскохозяйственную перепись дважды. Либо это абсолютное совпадение трех антропонимов четырех разных домохозяев.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что столыпинская реформа отправляла из Буджака в далекие российские просторы в поисках земли и отдельную семью, и целые родословные фамилии: 46 из 95 домохозяев представляют трех и более мигрантов-родственников.

Антропонимия фамилий жителей пос. Болгарский. Из трехчленной антропонимической модели его жителей (фамилия, имя, отчество) интерес представляет первая ее составляющая – собственно сама фамилия. Анализу будут подвергнуты только те из фамилий, которые указывают на буджакское происхождение их носителей. К сожалению, в документе не приводятся сведения, из какого села переселился каждый домохозяин пос. Болгарский. Поэтому мы не можем выяснить, жители какой языковой общности Буджака – тюркоязычной или славяно-болгарской – в нем преобладали, что имело определяющее значение в этническом названии поселка.

Все фамилии, носителями которых были переселенцы из Буджака, имеют тюркское и славяно-болгарское происхождение, а также относятся к еще одной группе фамилий, в основе образования которых находятся внеязыковые факторы.

Тюркская группа фамилий жителей пос. Болгарский: Колиогло, Момжи / Мумжи, Курдов, Топал, Кара, Железогло, Маггели, Бобоглу, Орлиогло, Кеся / Киося, Караман, Келеш, Копощу, Каратерзий, Пилич, Кройтор, Трифоногло, Чалдар / Чавдар, Кирчогло, Кабаков (она может быть персидского, турецкого, русского происхождения), Юсумбейли / Юсумбели, Мурзакай, Курудимов, Малачлы, Ялама, Кулов (от тюркского *kula*) – всего 26 фамилий (без учета различий в написании некоторых из них).

Славяно-болгарская группа: Петков, Русев, Генов, Марин / Маринов, Костов, Дмитров, Балов, Димов, Данчов, Русал – всего 10 фамилий.

Другие признаки образования, когда в основе фамилий находятся внеязыковые факторы: Беженюц, Кожакаръ / Кожокар / Кужакар, Ворников / Ворник, Греков, Люцкан / Лицкан, Доброжан, Сырбов,

Бошняк – всего 8 фамилий.

Соотношение тюркоязычных фамилий к славяно-болгарским – 2,6 : 1. Если принять во внимание численность домохозяев – носителей тех и других фамилий, то соотношение выглядит следующим образом: 56 домохозяев с тюркскими фамилиями и 19 – со славяно-болгарскими, т.е. соотношение примерно такое же – 2,95 : 1. Но если этническим ориентиром послужит этот внешний фактор, то возникает вопрос: почему поселок назван *Болгарский*? Какие-то умозаключения по этому поводу делаются (некоторые приведены выше), но все дело в том, что у многих этнических болгар в болгарских селах Буджака тюркские по происхождению фамилии. А многие тюркоязычные выходцы из-за Дуная в Буджак – носители славяно-болгарских фамилий! А у некоторых перечисленных выше фамилии состоят из обоих компонентов – тюркского и славяно-болгарского: Колиогло («син на Колю»), Кирчогло («син на Кирчу»), Трифоногло («син на Трифон»), Железогло («син на Желю / Желез»). Следовательно, языковой признак фамилий домохозяев поселка не может быть положен в основу их этнического разграничения на славяно-болгар и тюркоязычных православных.

На помощь могли бы прийти сведения, из каких сел Буджака мигрировали сюда те и другие носители фамилий – жители пос. Болгарский. К сожалению, такие сведения в документе отсутствуют. Тогда остается выяснить, в каких буджакских селах встречаются фамилии, указанные в сельскохозяйственной переписи 1917 г. по пос. Болгарский. В этом нам помог разобраться Георгий Константинович Кышлалы, многие годы занимающийся выявлением в архивах всех антропонимов тюркоязычных православных переселенцев из-за Дуная, обосновавшихся в известных сегодня гагаузских селах обеих частей Буджака. Вот его данные за первую половину XIX в., которые я, с благодарностью к нему, привожу. Носители фамилий Копушу, Юсюмбели, Кирчиогло, Мурзакой – жители только Татар-Копчака, а Бобогло – также и Болбоки, Колиогло – также и Чишмикия; Курудимов, Мумжи – только Комрата; Марин / Маринов – Авдармы, Дезгинже; Пилич – Дезгинже, Баурчи; Келеш – Томая, Баурчи, Чадыр-Лунги, Болбоки; Грек – Авдармы; Киосе (Кеся, Киося), Кроитор, Ворник / Ворников, Железогло, Камбур – многих гагаузских сел; Ялама – Томая, Татар-Копчака, Маклелы / Маглелы – Чадыр-Лунги. Фамилия Доброжан встречается в Чадыр-Лунге и Баурчи, Бошняк – в Чадыр-Лунге и Курчи, а также в болгарских колониях Нижне-Буджакского округа.

Выходцами из Чадыр-Лунги могли быть домохозяева поселка с фамилией Балов и Генов. Первая происходит от *Бали* – болг. *Бальо*, *Бельо*, *бял* в значении «хубав, здрав», т.е. «красивый, здоровый» (Илчев 2012), но ее носителями и в наше время являются гагаузы из

Чадыр-Лунги. Вторая фамилия – Генов – происходит от болгарского имени Геню (рус. Евгений), но упоминание ее носителей – жителей Чадыр-Лунги в начале XX в. я также встречал в литературе.

Таким образом, приведенные в работах С.З. Новакова, М.П. Сакалы данные о *гагаузских* (по отношению к тому времени правильнее их называть *тюркоязычными*) селах Буджака, охваченных столыпинским переселением, указывают на то, что носители фамилий тюркского, а также иногда славяно-болгарского происхождения в пос. Болгарский могли быть ранее жителями таких сел, как Татар-Копчак, Чишмикой, Чадыр-Лунга, Комрат, Авдарма, Дезгинже, Томай, Баурчи, Гайдар, Болбока. **Следовательно, абсолютное большинство фамилий домохозяев пос. Болгарский были православными тюркоязычными переселенцами из Буджака, которые сами себя называли еще по-старому, болгарами, а потому и поселок свой называли Болгарским.**

Проблема этнической идентичности тюркоязычных православных в России. Она является составной частью общей проблемы этногенеза гагаузов, насчитывающей более 20 или около 30 гипотез, ни одна из которых в научном мире не стала общепризнанной. Ближе всего к такому статусу приблизилась тюркская гипотеза этногенеза гагаузов – на основе смешения трех кочевнических племен: огузов, печенегов и куман (половцев). Ее сторонники ведут ожесточенные дискуссии с теми этнологами, которые отстаивают болгарскую (отуреченные болгары), протоболгарскую, турецкую (исламизированные христиане или мусульмане, перешедшие в православие), греческую (отуреченные греки), проторумынскую, сельджукскую гипотезы (Губогло 2008: 401–402; Атанасов 2009: 401). Особенно острую полемику вызывает мнение тех болгарских ученых, которые считают гагаузов отуреченными болгарами (Маринов 1988) или частью не ославянившихся тюрко-болгар хана Аспаруха (Занетов 1902; Шкорпил 1933–1934). Моя же позиция такова: основные компоненты амальгамы гагаузского этноса состояли из огузов, печенегов, куман (половцев), а дополнением к ним выступали *черные болгары* и остатки не ассимилированных *тюрко-болгар* хана Аспаруха (Гайдаржи 1992: 14; Грек 2010: 289–340; Грек 2013: 307–332).

Вместе с тем процесс смешения тюркских православных племен до XII–XIV вв. и в составе Османской империи в XV–XVIII вв. происходил без этнических определителей (названия или самоназвания): этнонима *гагауз* и глоттонима *гагаузский язык*. Как считают М.Н. Губогло и И.Ф. Грек, первоначально (XV–XVII вв.) их называли *читаки* (Губогло 2006b: 46; Грек 2011: 117–129). С ними полемизирует А.В. Шабашов. Он полагает, что этим «этнонимическим» названием обозначались «различные тюркоязычные группы», т. е. не только узы, печенеги, ку-

маны, черные болгары и не ассимилированные турки-болгары). Но название *читаки* тогда же было отвергнуто теми, кого так называли. Затем османо-мусульмане дали православному главе семьи турка-райя обидное по смыслу прозвище *гагауз*. Впоследствии (XVIII в.) оно стало использоваться как прозвище-название всей православной тюркоязычной группы жителей Османской империи на Балканах, которое также не было ими принято тогда в качестве самоназвания (Шабашов 2017: 70–75). Однако прозвище *гагауз* стало этническим названием тюркоязычных православных, которые стали выступать как «они» для других этноязыковых общин Балкан, в том числе и для славяно-болгар (Тонев 2000: 319–356). Сами же «они» разделились по самоназваниям: одна их часть стала называть себя *болгарами*, а другая, меньшая, – *греками*. Кроме них, среди местных тюркоязычных за Дунаем были и другие – с этноназваниями *читаки* и *гаджалы*.

Здесь необходимо подробнее остановиться на *гаджалах*, поскольку на Балканах их всех относят по вероисповеданию к мусульманам. Там их называли также *черными турками*, и состояли они из этнического конгломерата жителей полуострова, которые в условиях Османской империи приняли, добровольно или насильственно, ислам, использовавшийся властью для их поощрения и причисления к более высокому в социальном отношении слою балканского населения, противопоставив их неверным и рае (Димитров 1988). Среди исламизированных были также славяно-болгары (помаки) и православное тюркоязычное население Балканского полуострова, появившееся здесь за несколько веков до его завоевания Османской империей. *Гаджалы* как этноназвание зафиксировано в XVI в., а затем оно стало и самоназванием местного балканского исламизированного населения. Оно проживало по всему полуострову, но нас интересуют *гаджалы* Делиормана, расположенного юго-западнее Добруджи. Именно их историки, этнологи, лингвисты считают «по культуре и народопсихологии» более близкими «к окружающему христианскому населению», чем к туркам из Анатолии. Интерес представляют рассуждения известного болгарского историка П. Мутафчиева относительно балканского этапа этнической истории гагаузов и гаджал. Он пишет: «Сегодняшнее состояние научных исследований не позволяет, однако, утверждать, что гагаузы или гаджалы являются потомками **одного** или **другого** (здесь и далее выделено мною. – И.Г.) из этих северотюркских племен. **Более основательным было бы предположить, что сохранившиеся здесь остатки печенегов, огузов и куман смешались с течением времени, и от этой амальгамы, может быть, с местным преобладанием одной или другой ее составляющей, произошли и гагаузы и гаджалы. Сегодняшнюю их языковую близость невозможно было бы объяснить,**

если не допустить общие у них корни, а она не была бы такой полной, если бы одни и другие происходили от двух различных племенных общностей. Сколько бы печенег, огузы и куманы со времени их появления в северо-восточных болгарских землях не были родственны по языку, если их части здесь продолжали бы жить изолированно друг от друга, первоначальные диалектные различия у них возросли бы до такой степени, что произошло бы их оформление в полностью самостоятельные языки. **А против этого и вопреки их принадлежности к двум совершенно различным религиям, которые затрудняли их взаимное общение, гагаузы и гаджалы говорят на одном и том же языке.** И если в сравнении с делиорманским гагаузский отличается известными древними чертами, то это объясняется тем обстоятельством, что благодаря христианству гагаузов их диалект был больше огражден от литературного влияния османского» (Мутафчиев 1973: 711). Болгарский историк, опираясь на исследование польского ученого Т. Ковальского, утверждает: «Между гагаузским и делиорманским турецкими диалектами существует близкое родство с целым рядом особенностей, которые характерны для современных северотурецких диалектов и не встречаются в языке турок в других областях (полуострова. – И.Г.), как и в Анатолии» (Мутафчиев 1973: 699). Он ссылается на работу Т. Ковальского (Kowalski 1933: 26), перевод на русский язык сделан мною. **Из сказанного следует: прежняя (до XV в.) православная тюркоязычная амальгама в Османский период ее истории переформатирована (по ее воле и с «помощью» османов-мусульман) в новую амальгаму с другими этноназваниями и самоназваниями и раздроблена конфессионально (мусульмане-гаджалы).**

Становление гагаузской идентичности в Буджаке. Тюркоязычные выходцы из-за Дуная заселили Буджак, называя себя *болгарами, греками, читаками, гаджалами*, а единицы носили уличное прозвище *гагауз*. Но все ли они были православного вероисповедания? Из сказанного выше выходит, что всех *гаджал* на Балканах считали мусульманами. Но не было ли среди них людей православного вероисповедания, и как их воспринимали Порты и высшее мусульманское духовенство империи?

У меня нет никаких данных из архивных источников или литературных публикаций, которые свидетельствовали бы о том, что *гаджалы*, основавшие в Буджаке колонию Чишмикиой, были мусульманской веры. В краеведческой книге по истории этого села, в которой, кстати, даже не упомянуто слово *гаджалы*, авторы утверждают, что село основано в 1809 г., в том же году его жители были причислены к православному приходу соседнего села Фрикацей. В мае 1814 г. они получили разрешение на закладку здания собственного православно-

го храма (Карамия, Орган 2009: 520). Г.А. Гайдаржи, проанализировав рассказ писателя Н.Г. Танасоглу, уроженца Кириет-Лунги, в котором тот называет своих односельчан *бизим гажаллар* (*гаджаллар*. – И.Г.) и придает ему толкование «наши гагаузы» вместо точного перевода «наши гаджалы» (Гайдаржи 1992: 18), предположил, что *гаджалы* составляли, по крайней мере, часть населения Кириет-Лунги. Они, по информации В.И. Сырфа, проживали также в Вулканештах, Етулии, Гаваносах, причем здесь «этноним *гаджал* сохранился в памяти как самоназвание». Была гаджалская махала и в Чадыр-Лунге. И везде они – православные. Нет никаких сведений о том, что именно здесь, в Буджаке, *гаджалы* перешли из мусульманской в православную веру. **Это дает основание предположить, что за Дунаем были и гаджалы православного вероисповедания, которые там, возможно, прикрывались исламом ради социальных привилегий, но оставались верными православию.** О православных гаджалах как об этнической группе гагаузов в Буджаке пишет и Г.А. Гайдаржи (Гайдаржи 1992: 18). Проблема *гаджалов* Буджака требует специального изучения.

Что касается *читаков* в Буджаке, то и их Гайдаржи относит к еще одной этнической группе гагаузов, проживающих в Александровке в украинской части Буджака (димитровцы называют «его жителей этнонимом “Читакар”») и отдельными кварталами («Читака маалеси») в Димитровке, Кубее, Копчаке (Гайдаржи 1992: 18). А.В. Шабашов считает термин *читака* этнонимическим названием жителей Александровки и жителей одной махалы села Копчак в молдавской части Буджака. С позиции сегодняшнего дня он называет их *гагаузами-читаками* и также включает в единую по происхождению субэтническую (этнографическую) группу этого народа (Шабашов 2017: 73). Однако если подойти с хронологической точки зрения к проблеме возникновения этноназвания *читаки* (XVI–XVII вв.) и прозвища *гагаузы* (XVIII в.), то *читаки* на Балканах никак не могли быть субэтнической группой несуществующего гагаузского этноса: таковой они стали только тогда, когда в условиях Буджака признали себя частью гагаузского народа во второй половине XX в.

Называя себя здесь *болгарами*, «старые переселенцы» (я включаю в их число всех, кто ушел на север от Дуная до Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.) из числа тюркоязычных православных эмигрантов именовали выходцев-славяно-болгар, как и на Балканах, *туканами*. Такое этническое разграничение между собой и этническими болгарами («мы» – *болгары*, «они» – *туканы*) они сохранили на весь период вхождения Буджака в состав Российской империи. И даже в начале 30-х гг. XX в. гагаузский священник-просветитель М. Чакир писал, что большинство гагаузов «не используют слово *«болгарин»*,

называя болгар прозвищем *туканы*, и прямо говорят: мы – гагаузы, не тулканы (то есть не болгары)», что следует понимать, как «мы – не славяно-болгары», не отуреченные болгары (Чакир 2018: 59). Следовательно, этноназвания-разграничители «мы – болгары, они – тулканы» сохранились у части тюркоязычных православных Буджака и на весь период оккупации Бессарабии королевской Румынией (1918–1940), а также и в 1941–1944 гг. (Нягулов 2010: 156–190).

Однако в научных публикациях относительно *тукан* высказываются и другое мнение. Известный филолог-славист С.Б. Бернштейн в статье, посвященной изучению говора г. Болграда (в исторической ее части о формировании населения города), пишет, что переселенцы-сливенцы и ямбольцы, ставшие его жителями после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., называли *туканами* «старых переселенцев», включая в их число и выходцев из-за Дуная во время предыдущей войны (1806–1812). Все они жили на улице с одноименным названием (Бернштейн 1950: 225–231). Автор считает *тукан* субэтнонимом *болгар*, отражающим болгарскую специфику формирования населения. Следовательно, это слово – местное болгарское изобретение, призванное отделять «старое болгарское население» города от «новых» его жителей-болгар. Но как тогда относиться к тому, что *туканские махалы* были в Комрате, Вулканештах, Конгазе, Кирсово, Казаяклии (Дрон, Курогло 1989: 85–86), возможно, в других колониях с преобладанием в них православного тюркоязычного населения, называвшего себя *болгарами*? Да и в самом Болграде среди обосновавшихся в нем «старых переселенцев» были тюркоязычные православные выходцы из-за Дуная. Не от них ли осталось в городе слово *тулканы* как «экзоэтноним славяно-болгар»?

В такое же русло, но в более широком балкано-буджакском региональном диапазоне, ложатся рассуждения известных украинских этнологов и историков А. Ганчева, В. Мильчева и А. Пригарина. Они считают *туканцев* Буджака, основавших здесь ряд поселений, болгарскими переселенцами из определенного региона Болгарии – Сърнена Средна Гора. Следовательно, по их мнению, *тулканы* в Буджаке – это «микроэтноним или субэтноним» переселенческого болгарского населения Южной Бессарабии и Приазовья. Все же авторы утверждают, что название *тулканы* «не является избранным представителями самой группы в качестве самоназвания» (Ганчев и др. 2015: 57). Они, как и С.Б. Бернштейн, считают, что само слово *тукан* буджакского происхождения. Эту позицию разделяет и филолог Светлана Топалова, подкрепляя ее справедливым утверждением о том, что «в Болгарии нет такой этнографической группы» (Топалова 1995: 390–392). И авторы «Гагаузско-русско-молдавского словаря», признавая, что

«туканы – гагаузский этноним, обозначающий болгар», подчеркивали, что он относится к «живущим в Молдавии» болгарам. Тем самым придали ему не общебуджакское, а страноведческое – советское и постсоветское – молдавское значение (Словарь 1973: 477; Шабашов 2002: 404). Однако это не так. Авторы могли не знать или не придать значения тому, о чем писал болгарский историк, уроженец гагаузского села Конгаз Г. Занетов: термин *туканы*, которым бессарабские гагаузы называют местных болгар, родился вне Бессарабии: «Позднее, в г. Варне, – пишет он, – я понял, что и там гагаузы называют болгар “туканами”», и «в данном случае имя “туканы” отличает славяно-болгар от “гагаузов”-туканцев» (Занетов 1902: 73–74). Кроме того, они не взяли во внимание тюркское толкование гагаузского аллоэтнонима *тукан*. И.В. Дрон и С.С. Курогло считали, что он «тюркско-кыпчакского происхождения» и «мог образоваться или проникнуть в язык предков гагаузов еще до их переселения на Балканский полуостров» (Дрон, Курогло 1989: 85).

Самоназвание православных тюркоязычных *греки* на Балканах, на мой взгляд, является признаком в большей степени церковно-религиозным, чем этническим, и опять же в антиосманском, а не в антиболгарском смысле. Тем не менее и тюркоязычные *греки* входили в конгломерат тюркоязычных в Буджаке, которым предстояло признать себя под этнонимом *гагаузы*.

Процесс самоопределения себя *гагаузами* начался у православного тюркоязычного населения Буджака в последней трети XIX в. Он охватил почти целое столетие. Поскольку основная масса тюркоязычных выходцев из-за Дуная продолжала идентифицировать себя как *болгар*, это стало главной причиной почти столетней продолжительности заключительного этапа становления гагаузской этничности в Буджаке. В этой связи историков и этнологов заинтересовало, как происходило здесь этническое перекодирование тюркоязычных его жителей. Это нашло отражение в их публикациях, посвященных изучению проблемы так называемой двойной идентичности гагаузов (Губогло 2006: 206–231; Квилинкова 2006: 264–283; Грек 2007: 260–264; Квилинкова 2011: 126–139). Она по-разному трактуется. Здесь не место для детального ее освещения, но суть дискуссии сводится к следующему. Некоторые исследователи считают, что в одно и то же историческое время тюркоязычные православные идентифицировали себя и как *болгары*, и как *гагаузы* (Квилинкова 2011: 126). Другие, справедливо отрицая присутствие с 1812 г. религиозного фактора в их этногенезе в условиях Буджака, вместе с тем отвергают саму возможность такого процесса: «“Вывод” (Е.Н. Квилинковой. – И.Г.) о двойной самоидентификации гагаузов, видимо, имеет свою

логику. Цель состоит в том, чтобы лишний раз в угоду предвзятой (“закадровой”) позиции неременной “болгаризации” этничности гагаузов лишить еще одним способом неотъемлемого права народа на самостоятельную этнопсихологическую идентификацию» (Губогло 2006а: 226). Моя позиция, опирающаяся на архивные документы и литературу (не только на работу Г. Занетова), состоит в следующем: тюркоязычное православное население называло себя на Балканах *болгарами*, *истинными болгарами*, и с этим самоназванием оно переселилось в Буджак. Процесс осознания себя не *болгарами*, а *гагаузами* был не одномоментным, а поэтапным. Его я обозначил формулой: *болгары – болгары-гагаузы – гагаузы-болгары – гагаузы*. Т. е. есть двойная идентичность наблюдается лишь на переходных этапах (*болгары-гагаузы*, *гагаузы-болгары*). Двойной идентичности не было, когда они называли себя *болгарами* и когда признали себя *гагаузами*. Но к 1917 г. этот процесс не завершился, к тому же в одних гагаузских селах он проходил быстрее, а в других медленнее (Грек 2011: 147). Проблема в целом остается неизученной не только в аспекте *болгары-гагаузы*, но и в отношении других ее составляющих: *греки-гагаузы*, *гаджалы-гагаузы*, *читаки-гагаузы*.

Этнограф В.Н. Бутович на основе статистических данных за 1907 г. определил национальный состав жителей сел с болгарским и гагаузским населением Бессарабской губернии с использованием этнонимов *болгары* для славяно-болгар и *гагаузы* для тюркоязычных православных. Но, применяя их, он исходил из данных Всероссийской переписи населения 1897 г., а в ней за основу был взят языковой, а не этнический принцип учета. В ней тюркоязычные православные Бессарабии были включены в графу «турецкий язык», так как считалось, что это их родной язык. Приведу из работы В. Бутовича численность болгар и гагаузов по некоторым селам, признанным им как заселенные этническими болгарами и этническими гагаузами. Так, в Бешалме проживало 1 900 гагаузов и 930 болгар, в Комрате, соответственно, 6 200 и 2 100, в Кирсово – 1 700 и 1 800, в Казаяклии – 3 400 и 240, в Татар-Копчаке – 4 575 и 75, в Кубее – 2 800 и 2 135, в Старо-Троянах – 1 054 и 405, в Ташбунаре – 474 и 1 269, в Курчи – 1 770 и 980, в Еникиое – 800 и 1 197, в Табаках – 450 и 900 (Бутович 1916: 47–58).

В. Бутович был знаком с работами В.А. Мошкова, К. Иречека и разделял их мнение: тюркоязычные православные на Балканах, следовательно, и в Буджаке, имеют этническое происхождение, отличающееся от этногенеза славяно-болгар. Поэтому он всех учтенных по переписи 1897 г. с родным турецким языком причислил к гагаузам. Но исследователь проигнорировал тот факт, что тогда далеко не все они относили себя к таковым. Да и сам Бутович признает: «Они довольно твердо

держатся своей народности, **главным образом языка»** (выделено мною. – И.Г.) (Бутович 1916: 23). Это означает, что не все православные тюркоязычные в Буджаке уже признавали по отношению к себе этноним *гагауз*. Методологическая ошибка автора состоит в том, что он отнес к *гагаузам* и *гаджалов* Чишмикия, и *читаков*, населявших Саталык-Хаджи (Александровку) и частично Татар-Копчак (Бутович 1916: 51). Его ошибка заключается и в том, что он уравнил численность тюркоязычных православных, внесенных в графу «турецкий язык», с количеством фактически идентифицировавших себя тогда с помощью этнонима *гагауз*. А такого равенства не было, поскольку процесс перехода от самоназвания *болгары*, *греки*, *читаки*, *гаджалы* к этнониму *гагаузы* был на начальном этапе, при том что все они были православными тюркоязычными жителями Буджака!

Следует подчеркнуть, что как было ошибкой до 1918 г. причислять всех тюркоязычных православных Буджака к носителям *гагаузской* идентичности, точно так же ошибочно было относить всех, называвших себя тогда *болгарами*, к славяно-болгарам.

С завершением в середине XX в. процесса осознания себя *гагаузами* конгломератом тюркоязычных православных в Буджаке и признания ими своей идентичности на основе этнонима *гагауз* и глоттонима *гагаузский язык* у них отпала необходимость идентифицировать славяно-болгар посредством этнического названия *туканы*. Они признали себя («мы») *гагаузами*, а их («они») *болгарами*. М. Чакир пишет: «Гагаузы открыто говорят, кто в коммуне (селе. – И.Г.) тукан или болгарин, кто грек или албанец, и действительно, кое-где встречается огагаузившийся тукан (болгарин)... каждого гагаузы знают по имени и указывают, что такой-то является *туканом* (болгарином)» (Чакир 2018: 59–60). Но само слово *тукан* не исчезло, оно остается в научных публикациях и сохранилось как уличное прозвище, ставшее затем фамилией исключительно среди гагаузских жителей Буджака. Все носители фамилии **Тукан** осознают себя *гагаузами*, но мало у кого из них сохранилось в родословной памяти, что предок, которого тюркоязычные жители села называли уличным прозвищем *тукан*, был этническим *болгарином*. **Здесь его потомки огагаузились, а его уличное прозвище стало для них гагаузской фамилией Тукан.**

Из всего вышесказанного следует, что только спустя 100 лет после своего появления в Пруто-Днестровском междуречье (с последней трети XVIII до последней трети XIX в.) православные тюркоязычные переселенцы смогли запустить процесс смены самоназвания *болгары* на *гагаузы*. И им понадобилось еще почти 100 лет совместного компактного проживания в Буджаке (с последней трети XIX до середины XX в.), чтобы свершился интеграционный процесс всего тюркоязычного

населения на основе этнонима *гагауз* и глоттонима *гагаузский язык* и они могли приступить к реализации этнополитического проекта в молдавской части Буджака. Его суть состоит в том, что 153-тысячное тюркоязычное православное население здесь идентифицирует себя посредством этнонима *гагауз*, закрепило за собой в публичном пространстве глоттоним *гагаузский язык* и рассматривает эту часть Буджака в качестве своей этногенетической родины и автономной территории национально-государственного существования в составе Республики Молдова (Губогло 2006b: 121–122, 146, 236, 281, 286–287, 291).

Этническое сознание православных тюркоязычных переселенцев в Приазовье, на Северном Кавказе, в Казахстане и Средней Азии. Исторически так сложилось, что процесс огагаузивания тюркоязычных православных переселенцев из Буджака в Приазовье при их массовой эмиграции (1860–1861) еще не начался. Даже спустя 125 лет (1987 г.) после того переселения участники фольклорно-этнографической экспедиции гагаузских сотрудников АН МССР в приазовских гагаузских селах отметили в своих отчетах: «Говорил только на гагаузском, который здесь называли болгарским»; в селе Дмитровка «проживают болгары и гагаузы. Всех называют болгарами. Но гагаузов, в отличие от настоящих болгар (славянских), называют болгарами турецкими» (по названию их языка тюркча. – *И.Г.*); «Необходимо отметить, что все гагаузы, проживающие в Запорожской области, записаны по национальности “болгары”» (Гагаузы 2016: 167, 171, 198). Спустя полтора десятка лет этнограф Е.Н. Квилинкова, посетив эти же гагаузские села Приазовья, отметила, какими этническими определителями пользуются там гагаузы по отношению к себе и местным болгарам: «Они идентифицируют себя главным образом как “болгары”. При этом проживающих по соседству этнических болгар они называют “туканнар” или “болгары-славяне” и их язык – “туканджя”, себя же называют болгарами, а свой родной язык – “булгарджя”. Местные жители ввиду использования ими тюркского языка, называли их турками» (Квилинкова 2011: 131).

С подобной «болгарской» этнической идентичностью исследователи (Субботина 2006: 236, 239, 245) и участники фольклорно-этнографических экспедиций из Молдовы столкнулись и в селах Северного Кавказа (Симпоев 2015: 12–19). И не только с «болгарской», но и с «гаджалской»! Самоназвание *гаджалы* зафиксировали там участники двух экспедиций (1988 и 1990 гг.) сотрудников сектора гагаузоведения Отдела этнографии, археологии и искусствоведения АН МССР. Видимо, это было для них некой неожиданностью, поскольку все прежнее тюркоязычное население Буджака уже считало себя

гагаузами. Поэтому Л.С. Чимпоеш в указанной статье интерпретирует *гаджалов* на Северном Кавказе таким образом, что они, мол, также считают себя *гагаузами*, механически перенеся туда процесс огагаузивания *гаджалов* в Буджаке. Как тюркоязычных православных мигрантов из Буджака их формально можно отнести к *гагаузам*, но сами они по-прежнему называли себя *гаджалами*. Это подтвердили и участники экспедиции 1990 г. М.А. Дурбайло и Л.А. Баурчулу. Они посетили станицу Екатериноградскую Прохладненского района Кабардино-Балкарской АССР и село [Нижний] Малгобек Моздокского района Северо-Осетинской АССР. В своих отчетах, хранящихся в архиве Сектора гагаузоведения Института культурного наследия, они отметили, что православные тюркоязычные жители этих сел называют себя *гаджалами* (выражаю искреннюю благодарность В.И. Сырфу за предоставление этой информации).

Те же самоназвания тюркоязычных из Буджака (этнонимы *болгары*, *гаджалы*) относятся и к переселенцам в Восточную Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию (Узбекистан, Кыргызстан) в 1909–1913 гг. Казахский ученый-тюрколог А.С. Аманжолов на основе собранного полевого материала (вторая половина 50-х – 60-е гг. XX в.) писал, что потомки православных тюркоязычных переселенцев (он называет их гагаузами. – И.Г.) «пишутся в документах болгарами», но они и сами **«считают себя по происхождению болгарами»**. А «настоящих болгар (славяноязычных) <...> называют туканами» (Аманжолов 1964: 258–259). В этом контексте представляет интерес коллективная статья трех авторов о «столыпинских» переселенцах в Узбекистан, опубликованная в 1960 г. В ней рассказывается о причине и времени их появления в республике: «Возможность получения земель в районах вблизи Ташкента привела к тому, что часть семей», выселившихся из Буджака в 1909–1913 гг., в 1925 г. «переселилась из районов Актюбинска в Ташкентскую область». В селе Майское этой области их информаторами были учитель Н.В. Маглели, его отец В.П. Маглели, а также А.А. Люцкан, П.П. Караман и др. Указанные фамилии жителей этого села до 1925 г. были и у основателей пос. Болгарский. Следовательно, село Майское основали реэмигранты из Болгарского. И авторы статьи отмечают, что «поселившиеся на новых местах **называли себя болгарами** <...>. Под этим названием они значатся во всех официальных списках» (Бигаев и др. 1960: 62). Но вот что характерно: авторы не фиксируют в Майском экзоэтноним *туканы*. Либо они не спрашивали о нем информаторов, либо среди его жителей, как и жителей Болгарского, его не было из-за отсутствия в этих селах самих славяно-болгар.

Хотя абсолютное большинство столыпинских тюркоязычных

переселенцев из Буджака в Казахстан продолжали называть себя *болгарами*, все же какое-то их число именовало себя и *гаджалами*. По информации, полученной от В.И. Сырфа (она извлечена им из статьи казахского тюрколога А.С. Аманжолова, опубликованной на казахском языке в 1965 г. – И.Г.), столыпинские переселенцы-*гаджалы* из Чишмикия основали в Семипалатинском уезде (позднее – область) село Романовка. Уроженец села информатор Петр Николаевич Давыдов в 1959 г. назвал его жителей *гаджалами*: «О нас, гаджалах, <...> в стародавние времена не знали о том, что мы есть на белом свете». Это свидетельство того, что при переселении из Буджака жители Чишмикия называли себя *гаджалами*, т. е. они не считали себя ни *болгарами*, ни *гагаузами*.

Однако были и столыпинские переселенцы из Буджака, идентифицировавшие себя как *гагаузы*. Н.С. Державин, ссылаясь на Всесоюзную перепись 1926 г. (т. XVII табл. VI, № 46 и табл. XI, № 39), пишет, что «было зарегистрировано 844 гагауза», из них 830 – в Казахстане и 14 – на Украине. Из 830 казахстанских гагаузов 825 признали гагаузский язык родным, а на Украине – 6 из 14 (Всесоюзная 1929; Державин 2005: 9; Станчев 2009: 126–127).

По данным С.З. Новакова, приведенным выше, в 1909–1913 гг. в Казахстан из Буджака переселилось около 2 000 семей этнических болгар и тюркоязычных православных. В поселке Болгарский в 1918 г. в 94 семьях числилось 548 чел., или в среднем 5,8 чел. на семью. Если из численности 2 000 семей вывести общее количество в них чел. на основе этого среднего показателя, то оно составит около 12 тыс. чел. Мы не знаем, сколько было тех и других в численном отношении, хотя, на мой взгляд, тюркоязычных православных было больше. Но даже если допустить, что их долевая пропорция была по 6 000 чел., то те, кто называл себя *гагаузами* (830 чел.), составляли всего 14 % от общего количества тюркоязычных православных. Следовательно, подавляющее большинство столыпинских тюркоязычных переселенцев из Буджака продолжали именовать себя и там, как и прежде, *болгарами*. **Таким образом, из сказанного следует, что поселок Болгарский был так назван православными тюркоязычными его жителями, которые при переселении продолжали идентифицировать себя как болгары.**

А теперь познакомимся с мнением по этому поводу потомка основателей этого поселка, которые переселились из Чадыр-Лунги. Его представил мне Виталий Иванович Сырф: именно между ним и Алексеем Павловичем Маглели состоялся интересный диалог. «Собеседник» В. Сырфа по Интернету родился в 1962 г., детство провел в селе Ильинка, в котором, как он сообщает, «проживало несколько близкородственных семей гагаузов». Его отец родился в 1940 г. в пос.

Болгарский (Алексей называет его Болгарка). Сам Алексей в детстве бывал в этом поселке, например, «когда свадьба», и на нее приглашали «всю родню», независимо от того, где жили эти родственники. Он окончил Томский госуниверситет, радиофизик по образованию, живет в Томске. Переписка началась в середине декабря 2017 г., в ней обсуждался «извечный вопрос – болгары и гагаузы: кто есть кто?». **«АЛЕКСЕЙ: ...Я гагауз, в советском паспорте было написано “болгарин”. В Казахстане близ города Актюбинска (Актобе) есть поселок Болгарка (колхоз “Коммунист”), там издавна проживают в основном этнические гагаузы, которые все имели паспорта с 5-й графой “болгарин”. Писали добровольно, сами себя идентифицировали так, при этом осознавая, что ни язык, ни культура их не являются болгарскими (здесь и далее выделено мной. – И.Г.). ВИТАЛИЙ: ...Это Вы с высоты сегодняшнего дня заявляете, что Вы гагауз, а в былые времена официально наших кардашей (так в тексте. – И.Г.) в документах как XIX, так и XX века записывали болгарами, говорящими на турецком языке, ибо с момента переселения задунайских первобеженцев в Пруто-Днестровском междуречье они сами себя так позиционировали, и лишь к концу XIX века, по переписи 1897 г., гагаузов выделили по языковому признаку – по турецкому языку, но этнически по самоназванию и самосознанию они стали таковыми лишь к середине XX в. Ситуация с казахстанскими гагаузами стоит в том же ряду, что и с гагаузами Приазовья, которые тоже продолжали официально считаться болгарами, но общались тюркче, то есть по-турецки <...>. АЛЕКСЕЙ: <...> Так-то оно так. Но приколы (так в тексте. – И.Г.) в том, что сами казахстанские и узбекистанские гагаузы про себя толком ничего не знают, откуда взялись и почему они здесь. Бабушка только говорила, что она родом из Чадыр-Лунги, которая находится в Молдавии. Все эти нюансы про переселение из Болгарии я вычитал уже в новейшее время. Папа мой, например, говорит, что никакие мы не гагаузы, а самые настоящие болгары. И [его] не колышет, что [наш] язык ну никак не славянский. ВИТАЛИЙ: Массовое переселение болгар и гагаузов в Среднюю Азию и Казахстан связано со столыпинской аграрной реформой, расчет ее был на то, чтобы малоземельные и безземельные крестьяне Европейской России переселялись в Сибирь, однако большая часть их попадала в смежные регионы – в Тургайско-Уральскую, Семипалатинскую, Актюбинскую, Акмолинскую области; больше всего переселенцев как раз было из Чадыр-Лунгской волости Бессарабской губернии; в связи с началом Первой мировой войны переселение прекратилось, однако тяжелые жизненные условия заставили немалое число новоселов покинуть полученные участки и искать счастья в других местах той же Сибири**

и далее на восток или же вернуться на запад, ближе к родным местам <...>. **АЛЕКСЕЙ:** Короче, расселились по всей доступной ойкумене, но в Актюбинске остались. Актюбинск – вообще уникальная в этом плане земля. **Там есть этнические поселки Болгарка (гагаузы), Бессарабка (молдаване), Сазда (немцы). Есть поселки греков, крымских татар, чеченцев, корейцев, всех не упомнишь».**

Из сказанного следует: дисперсно расселенные на огромном российском пространстве тюркоязычные православные выходцы из Буджака не смогли переключить себя на процесс смены самоназвания *болгары, гаджалы* на *гагаузы*. Кроме того, есть основание утверждать, что в их среде ассимиляционные процессы протекали более быстро, что носило объективный характер (преобладающая численность окружавшего их населения другой национальности, смешанные браки, советские темпы индустриализации, освоения новых территорий, образовательное и культурное развитие на основе русского языка и языков союзных и автономных республик СССР). А это не способствовало росту численности дисперсно расселенного тюркоязычного православного населения в местах их проживания, сохранению им народных традиций, обычаев и обрядов и передаче их потомкам. Фольклорно-этнографические научные экспедиции сотрудников АН МССР, как и демографические и лингвистические исследования регионов с дисперсно расселенным православным тюркоязычным населением учеными России, Украины, Казахстана, Узбекистана, имеют несомненную научную ценность. Но они не способны были (и даже не ставили перед собой такой цели) остановить процесс его физического исчезновения и, следовательно, перевести его на гагаузские этнические рельсы.

Общий взгляд на этногенез гагаузов. Антропонимический анализ архивного документа 1917 г. о поселке Болгарский, а также высказывание А. Маггели стали теми кирпичиками, которые отсутствовали в прежних моих работах, посвященных изучению некоторых аспектов этногенеза тюркоязычного православного населения на Балканах с XIII в. и в Буджаке за последние 250 лет его истории.

В названиях и самоназваниях он охватывает несколько этапов истории формирования этногенеза бессарабских *гагаузов*:

- зарождение процесса смешения в доосманский период истории тюркоязычных православных на Балканах (*болгары* или *куманы* в Добруджанском деспотстве);

- специфика его протекания в османский период их истории за Дунаем (*болгары, греки, читак, гаджалы, прозвище гагаузы*);

- развитие и завершение его становления в российский и советский периоды их истории в Буджаке (*гагаузы*).

Рассмотрим специфику их этногенеза на каждом историческом этапе.

1. До основания Третьего Болгарского царства православное тюркоязычное население на Восточных Балканах (огузы, печенеги, куманы, «черные болгары» и часть сохранивших свою идентичность тюркоболгар хана Аспаруха) проживало в границах Второго Болгарского царства (воссоздано в 1185 г.), при его феодальной раздробленности (XIV в.), в границах Добруджанского деспотства (в 40-х гг. XIV в.) и в составе Османской империи (в конце XIV – начале XV в.).

В смешении (амальгаме) указанных выше его составляющих до конца XIV в. особую роль играли их православная вера, а также куманское политическое верховенство в Добрудже, которое и могло быть здесь определяющим в этническом названии всех компонентов тюркской интегрирующейся амальгамы *куманами* либо *болгарами* (по названию Второго Болгарского царства).

2. В Османской империи все они, включая *куман*, стали по религиозному и социальному статусу *неверными* и *райей*, а этническое их название уже не могло быть прежним (*куманы* или *болгары*). Османские власти со второй половины XVI в. называли их *читаками* (в переводе – «неправильно говорящие на османском языке»). Затем – прозвищем *гагауз*, воспринятым тюркоязычными православными в болгарских землях как уничижительное. Оно было зафиксировано в источниках XVIII в., но не исключено, что могло появиться в конце XVII в. Впоследствии им стали называть на Балканах всех тюркоязычных православных. Сами же они отвергали оба названия – и *читаки*, и *гагаузы* – и называли себя либо *греками* (по вере), либо *болгарами*, *истинными болгарами*. А чтобы отличать себя от *славяно-болгар*, именовали их *туканами*. Следует подчеркнуть, что и в Первом, и во Втором Болгарских царствах словом *болгары* обозначались все их жители, включая две основные языковые общины – славяно-болгарскую и тюркскую. Таким образом, оно представляло собой **политоним**, а не **этноним** (Литаврин 1982: 49–83; Димитров 1995: 154; Грек 2010: 323–324). Продолжая называть себя *болгарами* в XV–XVIII вв., тюркоязычные православные защищали себя от османо-мусульманской этнической и религиозной ассимиляции в условиях нахождения в составе Османской империи. Своим же тюркским языком они подчеркивали *гражданскую* специфику своей болгарскости, отличной от *этнической* славяноязычных болгар. Дополнительным же разграничителем в болгарских землях между двумя языковыми православными общинами стало своеобразное наименование *туканы*, присвоенное славяно-болгарам тюркоязычными православными. В свою очередь последние называли себя *болгарами*, а тюркоязычных – *гагаузами*,

т. е. уличным прозвищем, полученным от османов-мусульман.

Что касается того, что некоторые тюркоязычные православные тогда причисляли себя к **грекам**, то этим они, скорее всего, подчеркивали свою принадлежность к православию, защищая себя от поглощения исламом. Следовательно, они к этому прибегли в исторических условиях нахождения в составе Османской империи.

3. Вместе с тем светской и религиозной (мусульманской) власти Османской империи удалось в XV–XVII вв. раздробить интегрировавшееся в болгарских землях (Делиорман, Добруджа) тюркоязычное православное население, названное *читаками*, заставив одну его часть принять ислам. Под ее координированным давлением оно распалось в религиозном отношении на привилегированных *читаков-мусульман* и неверных *читаков-райя*. Первых стали называть *гаджалы* (высказывается мнение, что власть причислила их к многочисленным социальным группам населения полуострова, назвав их всех *гаджалами*. – И.Г.), а ту часть тюркоязычных, которые остались верными православию, – *читаками*. И сами эти тюркоязычные называли друг друга по-разному: *болгары*, *греки*, *читаки*, *гаджалы*. Сказанное дает основание сделать следующее заключение:

– ту тюркоязычную православную амальгаму, которую Османская империя застала на завоеванных ею Балканах, включая и Добруджанское деспотство, она превратила в XV–XVIII вв. в другую амальгаму, в этнических названиях и самоназваниях которой не осталось следов от прежней, относившейся к XII–XIV вв.;

– в османский период истории указанное выше смешение тюркоязычного православного населения было лишено естественного процесса формирования единой для всех ее составляющих новой этнической общности. Ей навязали другой этнический процесс, при котором от нее откололи одну православную часть населения, принявшую ислам (*гаджалы*). Другая же – большая – ее часть несла на себе крест *неверных* и *райи*, что вынудило ее защищать свою веру, пряча себя и свой тюркский язык под этническими одеждами *греков*, *болгар*, *читаков*.

4. Под множеством этноназваний (*болгары*, *греки*, *читаки*, *гаджалы*) тюркоязычные переселялись из Северо-Восточной Болгарии и Добруджи в Дунайские княжества и в Пруто-Днестровское междуречье, ставшее в 1812 г. частью Российской империи. *Читаки* основали в Буджаке Александровку, были они и в Татар-Копчаке, возможно, и в Кубее, а *гаджалы* основали Чишмикию, но проживали и в Чадыр-Лунге, и в других поселениях. Что касается переселенцев-гаджалов в Буджаке, то, на мой взгляд, за Дунаем некоторые из них (в Добрудже?) только внешне придерживались ислама, внутренне оставаясь вер-

ными православия. Когда им представилась возможность бежать на северо-восток от Дуная, они это и сделали. Но за ними это название *гаджалы*, ставшее и самоназванием, в Буджаке сохранилось: здесь тюркоязычные православные отделяли себя от них, хотя язык был один (Шкорпил 1933–1934; Димитров 1988: 38–39) в двух диалектах и веры они держались одной и той же – православной.

В этом разнообразии этнических названий тюркоязычных задунайских переселенцев последней трети XVIII – начала XIX в. в Буджаке мне встретился с десятком глав семей с уличным прозвищем *гагауз*, носители которого в то же время имели и все три части славяно-болгарской антропонимической модели. Хотя большинство из этих «старых переселенцев» называли себя *болгарами*, но между всеми тюркоязычными выходцами из-за Дуная сохранялось внутреннее деление на *болгар*, *греков*, *гаджалов*, *читаков*. **Следовательно, процесс огагаузивания тюркоязычных в Буджаке состоял не только в том, чтобы те, кто считал себя *болгарами*, изменили свое самоназвание на *гагаузы*, но и в том еще, чтобы тюркоязычные *гаджалы*, *читаки*, *греки* также перешли на это самоназвание.**

Следует подчеркнуть, что официальные власти России не смешивали эти две языковые группы задунайских переселенцев, используя в качестве групповой идентификации их языковые особенности. Православных тюрков они называли «*болгары, говорящие на турецком языке*» (по отношению к этническим болгарам власти использовали этноним *болгары*). В этой **тюркской буджакской православной амальгаме** этнических названий выходцев из-за Дуная было нечто их сближающее, обусловившее запуск процесса *огагаузивания* – тюркская языковая **близость** ее носителей. Назвать ее **языковой общностью** трудно по причине того, что лингвисты выделяют в гагаузском языке два диалекта – вулканештский и чадыр-лунгско-комратский. Они есть и у столыпинских переселенцев в Казахстане и Средней Азии (Сорочану 2011: 108). Хотя изначально, на Балканах, это были, на мой взгляд, говоры, а не диалекты, поскольку не было литературной формы языка. Они сохраняются в разговорной речи жителей Гагаузии до сих пор.

Что же касается этнической и языковой судьбы тюркоязычных православных при дисперсном расселении (вне Буджака) в Российской империи, Советском Союзе, на постсоветском пространстве, то, как уже было сказано, процессом *огагаузивания* не были охвачены ни приазовские переселенцы 1860–1861 гг., ни столыпинская миграция 1909–1913 гг. Тюркская антропонимия (фамилии) жителей пос. Болгарский дает основание утверждать следующее:

1. Абсолютное большинство домохозяев пос. Болгарский были выходцами из тюркоязычных населенных пунктов Буджака, которые

стали известными как *гагаузские* уже после их миграции.

2. Эти тюркоязычные домохозяева поселка сами себя называли *болгарами*, следовательно, за этим их самоназванием не могут скрываться мифические и мифологические этнополитические предположения.

3. Высказывания Алексея Маглели убеждают, что послевоенное поколение жителей пос. Болгарский не было столь привержено убеждениям отцов и дедов в их *болгарской* идентичности. Они уверены, что отличаются от этнических болгар своим тюркским языком и даже своей культурой. На мой взгляд, определенную роль в этом сыграли фольклорно-этнографические экспедиции ученых-гагаузов Кишинева и Москвы в Приазовье, по следам столыпинской миграции, а также научный интерес ученых-тюркологов Казахстана, Узбекистана к православным тюркоязычным гагаузам. Вместе с тем, видимо, только отдельные уроженцы поселка стали называть себя, как Алексей Маглели, гагаузами. Покинув родные села в Буджаке, они со временем утрачивали владение родным языком и становились объектом ассимиляции со стороны русского, а с 1991 г. – казахского, узбекского, кыргызского большинства. Вот как об этом пишет сам А. Маглели: «Мы в Актюбинске жили, в семье по-русски говорили. **По-гагаузски говорили только в селе, куда я часто ездил на лето. Бабушка по-русски очень плохо говорила, поэтому волей-неволей язык знать надо было. Но с тех далеких пор практики не было, все забывается** (выделено мной. – И.Г.)».

4. В советское время, особенно в послевоенные годы, а также после распада СССР в 1991 г., в пос. Болгарский происходили серьезные изменения в его национальном составе. По словам А. Маглели, «сейчас много казахстанской родни переселилось в среднюю полосу России – Подмоскowie, Саратов, Пенза, Тамбовщина, Мичуринск и т. д.». Его «папа с мамой живут в г. Ртищево Саратовской области». А его родня, сообщает он, проживает также и «под Ташкентом, пос. Чирчик и пос. Первомайское» (видимо, имеется в виду село Майское. – И.Г.). Сам он, как было сказано, живет в Томске.

Миграция тюркоязычных православных из пос. Болгарский в Узбекистан, переезд на жительство в Актюбинск, Ильинку, а после 1991 г. эмиграция из Казахстана, Средней Азии в города и веся Российской Федерации свидетельствуют о том, что столыпинское переселение этой части тюркоязычных жителей Буджака вызвало утрату ими прежней идентичности. Но с уходом из пос. Болгарский потомков его основателей возникает вопрос о том, смогут ли они сохранить свое название в суверенном и независимом Казахстане и не исчезнут ли вообще.

Это же происходит или произойдет в перспективе со всеми потомками православных тюркоязычных, предки которых волею судьбы покинули территорию компактного проживания в Буджаке. Приазовские эмигранты, как и столыпинские мигранты, не смогли огагаузиться. Но даже те, кто покинул Буджак в этническом статусе *гагауз* (830 гагаузов из столыпинской миграции, 5-тысячная эмиграция бессарабских гагаузов в Латинскую Америку в 1925–1927 гг., несколько десятков представителей гагаузской молодежи, получивших образование в Турции в середине 1930-х гг.), также не сохранили свою гагаузскую идентичность. Такова этническая судьба всех дисперсно расселенных. Исторические обстоятельства сложились таким образом, что гагаузский этнос сможет сохраниться только в молдавской части Буджака.

ЛИТЕРАТУРА

Аманжолов 1964 – Аманжолов А.С. О гагаузах в Казахстане и их языке // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964. С. 258–265.

Атанасов 2009 – Атанасов Г. Още веднъж за потеклото на гагаузите // Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV век. В. Търново, 2009. С. 401–444.

Бендерское земство 1910 – Бендерское земство. Отчеты, доклады, сметы, раскладки Бендерской уездной земской управы и постановления уездного земского собрания XLI очередного созыва 1909 года. Бендеры, 1910.

Бернштейн 1950 – Бернштейн С.Б. О языке города Болграда // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 225–231.

Бигаев, Данилов, Умаров 1960 – Бигаев Р.И., Данилов П.А., Умаров М.У. О гагаузах Средней Азии // ИАН УзССР. Серия общественных наук. 1960. № 6. С. 60–65.

Бутович 1916 – Бутович В.Н. Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916. 59 с.

Всесоюзная перепись 1929 – Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XVII. Союз Советских Социалистических Республик. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1929.

Гагаузы 2016 – Гагаузы Приазовья / Сост. Л. Чимпоеш, Е. Банкова, Т. Арнаут // Гагаузы Украины. Киев, 2016. 232 с.

Гайдаржи 1992 – Гайдаржи Г.А. Гагаузский язык. К родникам истории // Словесник Молдовы. 1992. № 3. С. 14–19.

Ганчев, Мильчев, Пригарин 2015 – Ганчев А., Мильчев В., Пригарин А. Специфика миграционной активности населения региона «Сърнена Средна Гора» на рубеже XVIII–XIX вв. и ее влияние на формирование болгарской общины «туканцев» в Южной Бессарабии // Журнал этнологии и культуры-

логии. Кишинев, 2015. Т. XVII. С. 57–64.

Грек 2006 – Грек И. Гюлмян – Дюльмен – Яровое (Очерки истории болгарского села в Бессарабии). Кишинев, 2006. 264 с.

Грек 2007 – Грек И.Ф. Этноним «гагауз» и глоттоним «гагаузский язык» (этногенезис гагаузов в XIX – начале XX в. в условиях Бессарабии) // Журнал этнологии и культурологии. Кишинев, 2007. Т. 2. С. 260–264.

Грек 2009 – Грек И.Ф. Проявление идентичности в этнопсихологии болгар и гагаузов Молдовы во второй половине XVIII–XX вв. (историко-политологический дискурс) // Stratum Plus. № 6. 2006–2009. Причерноморские этюды. Кишинев, 2009. С. 566–585.

Грек 2010 – Грек И.Ф. Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII – начало XIX в.) // Stratum Plus. 2010. № 6. «Слова и вещи». Кишинев, 2010. С. 289–340.

Грек 2011 – Грек И.Ф. Село Гайдар: очерки истории и культуры // Лукоморье: Археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2011. Вып. 5. С. 81–312.

Грек 2013 – Грек И.Ф. «Черные болгары»: этническая история и историческая судьба // Stratum Plus. 2013. № 6. Культурные слои веры. Кишинев, 2013. С. 307–332.

Грек 2018 – Грек И.Ф. Купоран – Ровное: история, культура, люди болгарского села в Буджаке. Измаил, 2018. 323 с.

Государственный архив – Государственный архив Актыбинской области Казахстана. Ф. 69. Оп. 2. Д. 31.

Губогло 1968 – Губогло М.Н. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968. С. 51–60.

Губогло 2006а – Губогло М.Н. О религиозной (ли?) идентичности // Курсом изменяющейся Молдовы. М., 2006а С. 206–231.

Губогло 2006б – Губогло М.Н. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М., 2006б. 498 с.

Губогло 2008 – Губогло М. Спохои прошлого. Автобиографические затеси. Кишинев, 2008. 560 с.

Державин 2005 – Державин Н.С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов. Кишинев, 2005. 24 с.

Димитров 1988 – Димитров Стр. Някои проблеми на етническите и ислямизиционно-асимилационните процеси в българските земи през XV–XVII в. // Проблеми на развитието на българската народност и нация. София, 1988. С. 33–56.

Димитров 1995 – Димитров Стр. Гагаузкит проблем // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 1995. Т. 4. С. 147–167.

Дрон 1989 – Дрон И.В., Курогло С.С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинев, 1989. 216 с.

Занетов 1902 – *Занетов Г.* Българското население в средните векове. Русе, 1902. 223 с.

Забутые страницы 2011 – *Забутые страницы истории Южной Бессарабии (1856–1861 гг.)* / Сост. И.Ф. Грек. Кишинев, 2011. 231 с.

Илчев 2012 – *Илчев С.* Речник на личните и фамилните имена у българите. София, 2012. 829 с.

Карамия, Орган 2009 – *Карамия М., Орган С.* Чишмикей. Материалы по истории села (1809–2009 гг.). Кишинев, 2009. 644 с.

Квилинкова 2006 – *Квилинкова Е.Н.* О принципе двойной самоидентификации гагаузов в прошлом и настоящем // *Курсом изменяющейся Молдовы.* М., 2006. С. 264–283.

Квилинкова 2011 – *Квилинкова Е.Н.* Формирование самосознания гагаузов // *Гагаузы.* М., 2011. С. 126–139.

Колесник 2001 – *Колесник В.* Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор: словарь. Одесса, 2001. Т. 3. 287 с.

Кондов 2005 – *Кондов В.* Кортенские колонии в Бесарабия в светлината на езиковата археология. Ономастика. Език. В. Търново, 2005. 216 с.

Литаврин 1982 – *Литаврин Г.Г.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII – первая четверть X в.) // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья* / Отв. ред. В.Д. Королюк. М., 1982. С. 49–83.

Манасиева 2013 – *Манасиева И.* Грамотность болгар в Российской империи по данным Первой переписи населения 1897 г. URL: <https://ava.md/2013/04/24-gramotnost-bolgar-rossiyskoi-imperii> (дата обращения: 18.12.2018).

Маринов 1988 – *Маринов В.* На гости у бесарабските българи. София, 1988. 112 с.

Новаков 2004 – *Новаков С.З.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857–1917). Кишинев, 2004. 578 с.

Мутафчиев 1973 – *Мутафчиев П.* Мнимото преселение на селджушки турци в Добруджа през XIII в. // *Мутафчиев П. Избрани произведения.* София, 1973. Т. II. С. 607–747.

Нягулов 2010 – *Нягулов Бл.* От единение към разграничение: българи и гагаузи в румънска Бесарабия, 1918–1940 гг. // *Курсом развивающейся Молдовы.* М., 2010. Т. 10. С. 156–190.

Сакалы 2013 – [*Сакалы М.П.*] Кубей: Очерки и материалы по истории села Кубей-Червоноармейское в Бессарабии. Одесса, 2013. 560 с.

Словарь 1973 – *Гагаузско-русско-молдавский словарь.* М., 1973.

Сорочану 2011 – *Сорочану Е.* Диалекты гагаузского языка // *Гагаузы.* М., 2011. С. 107–110.

Станчев 2009 – *Станчев М.* Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Т. 1 (1711–2006): стат. сборник. София, 2009. С. 126–127.

Субботина 2006 – *Субботина И.А.* Гагаузы Северного Кавказа: об истории переселения и численность. Поиски и находки // Курсом изменяющейся Молдовы. М., 2006. Т. 1. С. 232–245.

Субботина 2009 – *Субботина И.А.* К истории появления гагаузов на Северном Кавказе // Курсом развивающейся Молдовы. М., 2009. Т. 7. С. 386–402.

Тонев 2000 – *Тонев В.* Гагаузите и националноосвободителните борби през Възраждането // Българите в Северното Причерноморие. В. Търново, 2000. Т. 7. С. 319–333.

Топалова 1995 – *Топалова С.* За историята и езика на туканите в Бесарабия (с лингвистичен материал от Болградско) // Българите в Северното Причерноморие. В. Търново, 1995. Т. 4. С. 319–333.

Чакир 2018 – *Протоиерей Михаил Чакир.* Статии по истории и культуре гагаузов Бессарабии в журнале «Viata Basarabiei» («Бессарабская жизнь») / сост. В. Цвиркун, И. Думиника, В. Сырф. Кишинев, 2018. С. 48–64.

Шабашов 2002 – *Шабашов А.В.* Гагаузы. Одесса, 2002. 740 с.

Шабашов 2017 – *Шабашов А.* К вопросу об этнической преемственности средневековых читаков Болгарии и гагаузов // Журнал этнологии и культурологии. Кишинев, 2017. Т. XVIII. С. 71–75.

Шкорпил 1933–1934 – *Шкорпил К.* Материали към въпроса за съдбата на прабългарите и на северите и към въпроса за произхода на днешните гагаузи // *Vyzantinoslavica*. [T.] V. Praha, 1933–1934. С. 162–182.

Kowalski 1933 – *Kowalski T.* Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord–Est. Krakowie, 1933. 28 s.

Cimpoes 2015 – *Cimpoes L.* Kuzey Kafkasiua Gagauzlari'nin Milli Kimlikleri // *Yeni Turkiye*. 2015. № 81. P. 12–19.

REFERENCES

Amanzholov, A.S. (1964) O gagauzakh v Kazakhstane i ikh yazyke [About Gagauz in Kazakhstan and their language]. In: Zhakiev, M., Shofman, A.S. & Tumasheva, D.G (eds) *Problemy tyurkologii i istorii vostokovedeniya* [Problems of Turkology and History of Oriental Studies]. Kazan: Kazan State University. pp. 258–265.

Atanasov, G. (2009) *Dobrudzhanskoto despotstvo. K'm politicheskata, ts'rkovnata, stopanskata i kulturnata istoriya na Dobrudzha prez XIV vek* [Dobrudja's Despotism. To the political, ecclesiastical, economic and cultural history of Dobroudja in the 14th century]. V. T'rnovo: [s.n.]. pp. 401–444.

Bendery zemstvo. (1910) *Benderskoe zemstvo. Otchet, doklady, smety, raskladki Benderskoy uездной земской управы i postanovleniya uездного земского sobraniya XLI ocherednogo sozyva 1909 goda* [Bendery zemstvo. Reports, estimates, layouts of the Bendery District Zemstvo Council and resolutions of the District Assembly in 1909]. Bendery: [s.n.].

- Bernstein, S.B. (1950) O yazyke goroda Bolgrada [On the language of Bolgrad]. *Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya*. 2. pp. 225–231.
- Bigaev, R.I., Danilov, P.A. & Umarov, M.U. (1960) O gagauzakh Sredney Azii [On the Gagauz of Central Asia]. *IAN UzSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. 6. pp. 60–65.
- Butovich, V.N. (1916) *Materialy dlya etnograficheskoy karty Bessarabskoy gubernii* [Materials for the ethnographic map of the Bessarabian province]. Kyiv: [s.n.].
- The Union of Soviet Socialist Republics. (1929) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [The All-Union Population Census. 1926]. Vol. 17. Moscow: [s.n.].
- Chimpoesh, L., Bankova, E. & Arnaut, T. (2016) *Gagauzy Priazov'ya* [Gagauz of the Azov]. Kyiv: [s.n.].
- Gaydarzhi, G.A. (1992) Gagauzskiy yazyk. K rodnikam istorii [The Gagauz language. To the springs of history]. *Slovesnik Moldovy*. 3. pp. 14–19.
- Ganchev, A., Milchev, V. & Prigarin, A. (2015) Spetsifika migratsionnoy aktivnosti naseleniya regiona "Širna Sredna Gora" na rubezhe XVIII–XIX vv. i ee vliyaniye na formirovaniye bolgarskoy obshchiny "tukantsev" v Yuzhnoy Bessarabii [Specificity of migration activity of the population of the region "Širna Sredna Gora" at the turn of the XVIII – XIX centuries and its influence on the formation of the Bulgarian community "Tukan" in Southern Bessarabia]. *Zhurnal etnologii i kul'turologii – Journal of Ethnology and Culturology*. 17. pp. 57–64.
- Grek, I. (2006) *Gyulmyan – Dyul'men – Yarovoe (Ocherki istorii bolgarskogo sela v Bessarabii)* [Gyulmyan – Dulmen – Yarovoy (Essays on the history of the Bulgarian village in Bessarabia)]. Chişinău: [s.n.].
- Grek, I.F. (2007) Etnonim "gagauz" i glottonim "gagauzskiy yazyk" (etnogenezis gagauzov v XIX – nachale XX v. v usloviyakh Bessarabii) [The ethnonym "Gagauz" and the glottonim "Gagauz language" (ethnogenesis of the Gagauz in the 19th – early 20th century in Bessarabia)]. *Zhurnal etnologii i kul'turologii – Journal of Ethnology and Culturology*. 2. pp. 260–264.
- Grek, I.F. (2009) Features of Identity in Ethnic Psychology of Bulgarians and Gagauzes of Moldova in 1750–1900s. (Historical Politological Discourse). *Stratum Plus*. 6. pp. 566–585 (In Russian).
- Grek, I.F. (2010) Anthroponymy of Transdanubian Settlers (1770 – early 1800). *Stratum Plus*. 6. pp. 289–340 (In Russian).
- Grek, I.F. (2011) Selo Gaydar: ocherki istorii i kul'tury [Village Gaidar: Essays on History and Culture]. *Lukomor'e: Arkheologiya, etnologiya, istoriya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*. 5. pp. 81–312.
- Grek, I.F. (2013) "Black Bulgars": Ethnical History and Historical Fate. *Stratum Plus*. 6. pp. 307–332 (In Russian).
- Grek, I.F. (2018) *Kuporan – Rovnoe: istoriya, kul'tura, lyudi bolgarskogo sela v Budzhake* [Kuporan – Rovnoe: history, culture, people of the Bulgarian village

in Budjac]. Izmail: [s.n.].

The State Archive of Aktyubinsk Region of Kazakhstan. Fund 69. List 2. File 31.

Guboglo, M.N. (1968) Etnokul'turnye dannye o kochevom proshlom gagauzov [Ethnocultural data about the nomadic past of the Gagauz]. In: Zelenchuk, V.S. (ed.) *Arkheologiya, etnografiya i iskusstvovedenie Moldavii* [Archeology, ethnography and art criticism of Moldova]. Chişinău: Cartea Moldoveneasca. pp. 51–60.

Guboglo, M.N. (2006a) O religioznoy (li?) identichnosti [About religious (or not) identity]. In: Guboglo, M.N. (ed.) *Kursom izmenyayushcheyasya Moldovy* [The course of the changing Moldova]. Moscow: [s.n.]. pp. 206–231.

Guboglo, M.N. (2006b) *Imenem yazyka. Ocherki etnokul'turnoy i etnopoliticheskoy istorii gagauzov* [In the name of the language. Essays on the ethnocultural and ethnopolitical history of the Gagauz]. Moscow: Nauka.

Guboglo, M. (2008) *Spolokhi proshlogo. Avtobiograficheskie zatesi* [Flashes of the past. Autobiographical notes]. Chişinău: Komrat.

Derzhavin, N.S. (2005) *O naimenovanii i etnicheskoy prinadlezhnosti gagauzov* [On the name and ethnicity of the Gagauz]. Chişinău: [s.n.].

Dimitrov, Str. (1988) Nyakoi problemi na etnicheskite i islyamitsionno-asimilatsionnite protsesi v b'lgarskite zemi prez XV–XVII v. [Some Problems of the Ethnic and Islamic-Assimilation Processes in the Bulgarian Lands in the 15th–17th Century]. In: Dimitrov, Str. et al. *Problemi na razvitiето na b'lgarskata narodnost i natsiya* [Problems of the Development of the Bulgarian Nationality and the Nation]. Sofia: BAS. pp. 33–56.

Dimitrov, Str. (1995) Gagauzkiyat problem [The Gagauzian Problem]. *B'lgarite v Severnoto Prichernomorie – Bulgarians of the Northern Black Sea Coast*. 4. pp. 147–167.

Dron, I.V. & Kuroglo, S.S. (1989) *Sovremennaya gagauzskaya toponimiya i antroponimiya* [Modern Gagauz toponymy and anthroponymy]. Chişinău: [s.n.].

Zanetov, G. (1902) *Blgarskoto naselenie v srednite vekove* [Bulgarian population in the Middle Ages]. Ruse: Skoro-pechatnitsata na Spiro Gulabchev.

Grek, I.F. (ed.) (2011) *Zabytye stranitsy istorii Yuzhnoy Bessarabii (1856–1861 gg.)* [Forgotten Pages of the History of Southern Bessarabia (1856–1861)]. Chişinău: [s.n.].

Ilchev, S. (2012) *Rechnik na lichnite i familnite imena u b'lgarite* [Dictionary of personal and family names in Bulgaria]. Sofia: [s.n.].

Karamilya, M. & Organ, S. (2009) *Chishmikey. Materialy po istorii sela (1809 – 2009 gg.)* [Chishmikey. Materials on the history of the village (1809–2009)]. Chişinău: Serebia.

Kvilinkova, E.N. (2006) O printsipe dvoynoy samoidentifikatsii gagauzov v proshlom i nastoyashchem [On the principle of double self-identification of the Gagauz in the past and the present]. In: Guboglo, M.N. (ed.) *Kursom izmenyayushcheyasya Moldovy* [The course of the changing Moldova]. Moscow: [s.n.]. pp. 264–283.

Kvilinkova, E.N. (2011) Formirovanie samosoznaniya gagauzov [Formation of the Gagauz self-awareness]. In: Kvilinkova, E.N. & Guboglo, M.N. (eds) *Gagauzy* [The Gagauz]. Moscow: Nauka. pp. 126–139.

Kolesnik, V. (2001) *Evgenovka (Arsa). Onomastika. Govor: slovar'* [Evgenovka (Arsa). Onomastics. Dialect: dictionary]. Vol. 3. Odesa: Odesa National University.

Kondov, V. (2005) *Kortenskite kolonii v Besarabiya v svetlinata na ezikovata arheologiya. Onomastika. Ezik* [Corinthian colonies in Bessarabia in the light of language archeology. Onomastics. Language]. V. T'rnovo: Znak.

Litavrin, G.G. (1982) Formirovanie etnicheskogo samosoznaniya bolgarskoy narodnosti (VII – pervaya chetvert' X v.) [Formation of the ethnic identity of the Bulgarian nationality (7th – first quarter of the 10th centuries)]. In: Korolyuk, V.D. (1982) *Razvitie etnicheskogo samosoznaniya slavyanskikh narodov v epokhu rannego Srednevekov'ya* [The Development of the Ethnic Identity of the Slavic Peoples in the Early Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 49–83.

Manasieva, I. (1897) *Gramotnost' bolgar v Rossiyskoy imperii po dannym Per-voy perepisi naseleniya 1897 g.* [Literacy of Bulgarians in the Russian Empire according to the data of the First Population Census of 1897]. [Online] Available from: <https://ava.md/2013/04/24-gramotnost-bolgar-rossiyskoi-imperii> (Accessed: 18th December 2018).

Marinov, V. (1988) *Na gosti u besarabskite b'lgari* [On a visit at Bessarabian Bulgarians]. Sofia: Otechestvo.

Novakov, S.Z. (2004) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie bolgarskikh i gagauz-skikh sel Yuzhnoy Bessarabii (1857–1917)* [Social and economic development of the Bulgarian and Gagauz villages of Southern Bessarabia (1857–1918)]. Chişinău: [s.n.].

Mutafchiev, P. (1973) *Izbrani proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 2. Sofia: [s.n.]. pp. 607–747.

Nyagulov, Bl. (2010) Ot edinenie k'm razgranichenie: bylgari i gagauzi v rum'nska Besarabiya, 1918–1940 gg. [From unity to separation: Bulgarians and Gagauz in Bessarabia, 1918–1940]. In: Guboglo, M.N. (ed.) *Kursom izmenyayushcheyasya Moldovy* [The course of the changing Moldova]. Vol. 10. Moscow: [s.n.]. pp. 156–190.

[Sakaly, M.P.] (2013) *Kubey: Ocherki i materialy po istorii sela Kubey-Chervonoarmeyskoe v Bessarabii* [Kubey: Essays and materials on the history of the village Kubei-Chervonoarmeiskoe in Bessarabia]. Odesa: [s.n.].

Gaidarzh, G.A. (1973) *Gagauzsko-russko-moldavskiy slovar'* [Gagauz-Russian-Moldavian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.

Sorochanu, E. (2011) Dialekty gagauzskogo yazyka [Gagauz Dialects]. In: Kvilinkova, E.N. & Guboglo, M.N. (eds) *Gagauzy* [The Gagauz]. Moscow: Nauka. pp. 107–110.

Stanchev, M. (2009) *Bolgary v Rossiyskoy imperii, SSSR, stranakh Baltii i SNG*. [Bulgarians in the Russian Empire, USSR, the Baltic States and the CIS]. Vol. 1.

Sofia: [s.n.]. pp. 126–127.

Subbotina, I.A. (2006) Gagauzy Severnogo Kavkaza: ob istorii pereseleniya i chislennost'. Poiski i nakhodki [The Gagauz of the North Caucasus: on the history of resettlement and numbers. Searches and Finds]. In: Guboglo, M.N. (ed.) *Kursom izmenyayushcheysya Moldovy* [The course of the changing Moldova]. Vol. 1. Moscow: [s.n.]. pp. 232–245.

Subbotina, I.A. (2009) K istorii poyavleniya gagauzov na Severnom Kavkaze [On the history of the the Gagauz in the North Caucasus]. In: Guboglo, M.N. (ed.) *Kursom izmenyayushcheysya Moldovy* [The course of the changing Moldova]. Vol. 7. Moscow: [s.n.]. pp. 386–402.

Tonev, V. (2000) Gagauzite i natsionalnoosvoboditelnite borbi prez V“zrazhdaneto [The Gagauz and the National Liberation Struggles during the Revival]. *B“lgarite v Severnoto Prichernomorie – Bulgarians of the Northern Black Sea Coast*. 7. pp. 319–333.

Topalova, S. (1995) Za istoriyata i ezika na tukantsite v Besarabiya (s lingvističhen material ot Bolgradsko) [About the history and language of the Toukans in Bessarabia (with linguistic material from Bolgrad)]. *B“lgarite v Severnoto Prichernomorie – Bulgarians of the Northern Black Sea Coast*. 4. pp. 319–333.

Chakir, M. (2018) *Stat'i po istorii i kul'ture gagauzov Bessarabii v zhurnale “Viata Basarabiei”* (“Bessarabskaya zhizn”) [Articles on the history and culture of the Gagauzians of Bessarabia in the journal “Viata Basarabiei” (Bessarabian Life)]. Chişinău: [s.n.]. pp. 48–64.

Shabashov, A.V. (2002) *Gagauzy* [Gagauz]. Odesa: Astroprint.

Shabashov, A.V. (2017) K voprosu ob etnicheskoy preemstvennosti srednevekovykh chitakov Bolgarii i gagauzov [On ethnic succession of medieval Chitaki of Bulgaria and the Gagauz]. *Zhurnal etnologii i kul'turologii*. 28. pp. 71–75.

Shkorpil, K. (1933–1934) Materiali k“m v“prosa za s“dbata na prab“lgarite i na severite i k“m v“prosa za proizkhoda na dnešnite gagauzi [Materials on the fate of the Proto-Bulgarians the origin of modern Gagauz]. *Vyzantinoslavica*. 5. pp. 162–182.

Kowalski, T. (1933) *Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est* [Turks and the Turkish language of North-East Bulgaria]. Krakow: Polska Akademia Umiejętności.

Cimpoeş, L. (2015) Kuzey Kafkasiua Gagauzlari'nin Milli Kimlikleri. *Yeni Türkiye*. 81. pp. 12–19.

Грек Иван Федорович – кандидат исторических наук, политолог, член Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» (Молдова).

Ivan F. Grek – Pro-Moldova Association of Historians and Political Scientists (Moldova).

E-mail: ivangrec39@mai1.ru